

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-204-215

Установка на независимость от внешних обстоятельств в греческой философии в период раннего эллинизма

В. В. Бровкин

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Установлено, что стремление к независимости от внешних обстоятельств не является общей чертой для греческой философии в период раннего эллинизма. Также установлено, что усиление данной черты в раннеэллинистической философии было связано с образованием военно-бюрократических монархий. Признание зависимости от внешних условий, прежде всего от политики и дружбы, было связано с сохранением полисной системы.

Ключевые слова

греческая философия, стремление к независимости от внешних обстоятельств, период раннего эллинизма, политика, дружба

Для цитирования

Бровкин В. В. Установка на независимость от внешних обстоятельств в греческой философии в период раннего эллинизма // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 204–215. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-204-215

Disposition to Independence from External Circumstances in Greek Philosophy in the Period of early Hellenism

V. V. Brovkin

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

It is established that the desire for independence from external circumstances is not a common feature for Greek philosophy in the period of early Hellenism. The strengthen-

© В. В. Бровкин, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 1

ing of this feature in the early Hellenistic philosophy was associated with the formation of Hellenistic monarchies. Recognition of dependence on external conditions, primarily on politics and friendship, was associated with the preservation of the policy system.

Keywords

Greek philosophy, the desire for independence from external circumstances, the period of early Hellenism, politics, friendship

For citation

Brovkin V. V. Disposition to Independence from External Circumstances in Greek Philosophy in the Period of early Hellenism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 204–215. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-204-215

В данной статье мы рассмотрим такую черту раннеэллинистической философии, как установка на независимость от внешних обстоятельств. В научной литературе остается открытым вопрос о том, насколько доминирующей была эта черта в греческой философии в данный исторический период. Согласно традиционной и наиболее распространенной точке зрения, стремление к свободе от внешних условий, невозмутимости, покою, а также индивидуализм являются главными особенностями всей эллинистической философии (см.: [Лосев, 2000. С. 48–51; Целлер, 1996. С. 175]). Сторонники данной точки зрения полагают, что в условиях потери греческими полисами политической свободы философия обратилась к внутреннему миру индивида. Философские школы направили основные усилия на то, чтобы сделать мудреца самодостаточным и независимым. Согласно другой точке зрения, стремление греческих философов к независимости от внешнего мира в это время сосуществовало у них с фактическим признанием сильной зависимости от общественно-политической жизни и дружбы (см.: [Адо, 1999. С. 105–108; Brown, 2009. P. 486, 494]). Прояснение данного вопроса мы хотим ограничить периодом раннего эллинизма (334–281 гг. до н. э.), т. е. временем формирования нового эллинистического мира и появления новых философских учений. При этом мы постараемся уделить внимание всем философским школам и направлениям, существовавшим в данный период, а не только эпикурейцам, стоикам и скептикам.

Крупнейшей философской школой в период раннего эллинизма был Ликей. За выяснением вопроса об отношении перипатетиков к независимости от внешних обстоятельств обратимся к Теофрасту.

Ученик Аристотеля развивал идею своего учителя о том, что одной добродетели для счастья недостаточно. Цицерон сообщает, что, согласно Теофрасту, «побои, пытки, мучения, бедствия отчизны, изгнание, потери не могут не делать жизнь жалкой и несчастной» [1975. С. 330]. Как передает Цицерон, Теофраст в своем сочинении «О блаженной жизни» «подробно доказывает, почему не может быть блажен человек под муками и пытками» [Там же. С. 331]. Теофраст якобы одобрил даже изречение «Не мудрость правит, а Судьба и Случай здесь». Цицерон высказывает свое решительное несогласие с позицией Теофраста, но признает при этом, что Теофраст весьма последователен: «В самом деле, если столько благ заключено в теле и столько благ вне тела, в руках судьбы и случая, то разве не логично сказать, что Судьба, владычица всех благ телесных и внешних, больше значит, чем любое размышление?» [Там же. С. 331]. Как отмечает Целлер, Теофраст вовсе не умалял ценность добродетели, но, тем не менее, признавал зависимость счастья от внешних условий. Целлер пишет, что Теофраст «жаловался на нарушения, которым подвергается интеллектуальная жизнь человека из-за боли; на краткость человеческой жизни, которая прекращается как раз тогда, когда мы достигли некоторой степени понимания; и на зависимость человека от обстоятельств, которые находятся вне его собственного контроля» [Zeller, 1897. P. 402–403]. О том, что философия перипатетиков не была подчинена цели обретения свободы от внешних обстоятельств, говорит также позиция Дикеарха и Деметрия Фалерского. Оба этих философа ставили деятельную жизнь выше созерцательной (см.: [Цицерон, 1966. С. 138; Письма Марка Туллия Цицерона..., 1949. С. 123]). Сравнивая общественно-политическую и научно-философскую деятельность, Дикеарх и Деметрий Фалерский отдавали предпочтение первой. Нетрудно заметить, что, провозглашая самым важным видом деятельности участие в государственных делах, перипатетики тем самым ставили себя в сильную зависимость от внешних обстоятельств. Таким образом, мы делаем вывод о том, что развитие философии перипатетиков в период раннего эллинизма не характеризовалось стремлением к независимости от внешних условий.

В отличие от Ликея, в Академии в период раннего эллинизма стремление к независимости от внешних обстоятельств усилилось. Прежде всего это проявилось в суровом образе жизни, который вели схолахи Древней Академии Ксенократ и Полемон. Согласно Диогену Лаэртскому, Ксенократ отличался выдающимся самообладанием и крайней независимостью, а Полемон – удивительной невозмутимостью.

мостью (см.: [1986. С. 169]). Кроме этого, сообщается, что Полемон «жил затворником в саду Академии» [Там же. С. 172]. Стремление к свободе от внешних обстоятельств проявилось у древних академиков и на теоретическом уровне. Это хорошо заметно у Пелемона, в философском учении которого усилился морально-этический ригоризм. В вопросе о соотношении добродетели, телесных и внешних благ Полемон занял позицию, которая, по мнению Джона Диллона, предвосхитила учение ранних стоиков. Полемон полагал, что «без добродетели никакое счастье невозможно, и наоборот, добродетели, даже без благ телесных и внешних для счастья совершенно достаточно» [Климент Александрийский, 2003. С. 330]. Телесные и внешние блага выступают лишь в качестве дополнения к счастью (см.: [Диллон, 2005. С. 189]). По мнению Диллона, позиция Пелемона по этому вопросу представляла собой постепенное ужесточение морально-этического учения Академии. На наш взгляд, в этом ужесточении, а также в образе жизни ведущих академиков отчетливо просматривается стремление к независимости от внешних условий. В то же время участие Ксенократа в политической деятельности¹ свидетельствует о том, что академики не отгородились от общества. Проблемы полиса продолжали волновать представителей Древней Академии, и в этом проявилась их зависимость от внешних обстоятельств.

К независимости от внешних обстоятельств традиционно стремились киники. Самый известный представитель кинизма Диоген Синопский в деле обретения свободы от материальных благ и общественных установлений достиг совершенства. Пожалуй, никто среди античных философов не мог сравниться с древними киниками в плане самодовления. Все ключевые понятия кинической философии, такие как «автаркия», «аскетизм» и «космополитизм», были непосредственно связаны со стремлением к независимости от внешних обстоятельств. Но здесь следует отметить, что кинизм сформировался в начале IV в. до н. э., в классический период греческой истории. Учение Антисфена и Диогена было порождено кризисом классического греческого полиса, а не завоеваниями Александра Македонского и образованием эллинистических монархий. В этой связи, на наш взгляд, правомерным является вопрос о том, в какой степени стремление к независимости от внешних условий сохранилось в кинизме в период раннего эллинизма.

¹ Ксенократ в составе афинского посольства участвовал в переговорах с наместником Македонии Антипатром, на которых решалась судьба Афин после поражения греков в Ламийской войне 323–322 гг. до н. э.

Согласно ряду исследователей, в данный период в кинической философии произошло ослабление морально-этического ригоризма (см.: [Нахов, 1982. С. 192; Navia, 1996. P. 150]). Это проявилось в том, что в кинизм проникли черты облегченного гедонизма, идеи социального компромисса и стремление к участию в политической деятельности. У ведущих киников в это время можно обнаружить отступление от учения Диогена в сторону его смягчения. У Кратета Фиванского это смягчение было выражено слабо, у Онесикрита и Биона Борисфенского значительно сильнее. Образ жизни, который вели киники в данный период, характеризовался не только жестким аскетизмом и самодовлением, но и приспособлением к обстоятельствам. Наиболее точно суть кинического учения в эпоху эллинизма передает фраза Биона «Приспосабливайся к обстоятельствам, как моряки приспособливают паруса к ветру» [Антология кинизма, 1984. С. 182]. Таким образом, мы полагаем, что у киников в период раннего эллинизма стремление к независимости от внешних обстоятельств сохранилось, но в несколько ослабленном виде.

В период раннего эллинизма продолжала благополучно существовать школа киренаиков. Ее ведущими представителями были Гегесий, Анникерид и Феодор Безбожник. Стремление к независимости от внешних обстоятельств просматривается у Гегесия и Феодора. Доказывая, что страдания в жизни превышают удовольствия и что счастье недостижимо, Гегесий призывал безразлично относиться как к смерти, так и к жизни (см.: [Диоген Лаэртский, 1986. С. 121]). Феодор, придерживаясь позиции крайнего эгоизма и индивидуализма, отрицал ценность дружбы, патриотизма, религии, законов и общественных установлений (см.: [Там же. С. 122]). По сообщению Диогена Лаэртского, Феодор придерживался мнения о том, что «мудрец довлеет себе и не нуждается в друзьях» [Там же]. На наш взгляд, в безразличном отношении мудреца к жизни у Гегесия и в самодовлеющем и не признающем никаких общественных норм мудреце у Феодора проявилось стремление к независимости от внешних обстоятельств. В то же время у Анникерида можно увидеть противоположную тенденцию – зависимость от внешних обстоятельств. Анникерид и его последователи «допускали в жизни и дружбу, и благодарность, и почтение к родителям, и служение отечеству» [Там же. С. 121]. По мнению Анникерида, стремиться к дружбе следует не только ради пользы, но и ради того доброго чувства, которое при этом возникает. Согласно философу, ради дружбы стоит даже пострадать (см.: [Там же. С. 122]). На наш взгляд, высокий ценностный статус дружбы у Анникерида

свидетельствует об отсутствии у него ярко выраженного стремления к независимости от внешних обстоятельств.

Стремление к независимости от внешних обстоятельств обнаруживается у Сильпона из Мегар. Сенека сообщает, что Сильпон, как и стоики, придерживался мнения, согласно которому «мудрому никто, кроме него самого, не нужен» [1986. С. 46]. В качестве доказательства независимости Сильпона от внешних обстоятельств, Сенека приводит следующую историю: «Когда родной город Сильпона был захвачен, когда он потерял жену, потерял детей, а сам вышел из охватившего все пожара один, но по-прежнему блаженный, Деметрий, прозванный из-за множества уничтоженных им городов Полиоркетом, спросил его, потерял ли Сильпон что-нибудь, и тот ответил: “Все мое благо со мною!”» [Там же. С. 48]. Похожую историю передает и Диоген Лаэртский. Сообщается, что когда Деметрий Полиоркет захватил Мегары и распорядился возвратить Сильпону разграбленное добро, то на вопрос о перечне его убытков философ заявил, «что убытков не было: воспитания у него никто не отнял и знания его и разум остались при нем» [Диоген Лаэртский, 1986. С. 127]. Сенека с нескрываемым восхищением отзывается о поведении Сильпона. По его мнению, Сильпон повел себя как настоящий стоический мудрец, которого невозможно лишить счастья, поскольку все его благо заключено в душе. Сильпон доказал, что никакие потери и лишения не способны его сломить. Говоря победившему врагу «Я ничего не потерял» и «Все мое со мной» Сильпон продемонстрировал полную свободу от внешних обстоятельств (см.: [Сенека, 1986. С. 48]).

В жизни еще одного видного представителя сократических школ в период раннего эллинизма – Менедема из Эретрии проявилась другая тенденция. Диоген Лаэртский сообщает, что Менедем принимал активное участие в государственных делах, помогая родному городу и спасая его от тиранов (см. [1986. С. 132, 135–136]). Также упоминается, что он ездил послом к Птолемею, Лисимаху и Деметрию Полиоркету. Близкие отношения связывали Менедема и Антигона Гоната. Согласно Диогену Лаэртскому, последний «даже объявлял себя учеником Менедема» [Там же. С. 135]. Как полагает Герман Бенгтсон, «в личности Менедема объединились достоинства человека, умеющего отлично сочетать деятельную жизнь политика с созерцательной жизнью философа» [1982. С. 174]. На наш взгляд, активное участие Менедема в политической деятельности говорит о его зависимости от внешних обстоятельств. Очевидно, что Менедем не был равнодушен к судьбе своего родного полиса. Он не был

свободен от политических пристрастий и политической борьбы. Судя по всему, Менедем разделял мнение о том, что философ не должен избегать участия в государственных делах и уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей.

Период раннего эллинизма ознаменовался появлением новых философских школ. Основателем скептицизма стал Пиррон из Элиды. Насколько можно судить из источников, учение Пиррона заключалось в его образе жизни. Согласно античным авторам, поведение Пиррона отличалось невозмутимостью, безразличием и бездейственностью. Утвердив непостижимость вещей и воздержание от суждений, Пиррон, по сообщению Диогена Лаэртского, «в согласии с этим вел и жизнь свою, ни к чему не уклоняясь, ничего не сторонясь, подвергаясь любой опасности, будь то телега, круча или собака, но ни в чем не поддаваясь ощущениям» [1986. С. 352]. Биография Пиррона пестрит примерами совершенно безразличного отношения к жизни. Столь радикальный образ жизни свидетельствует о том, что Пиррону в полной мере удалось обрести независимость от внешних обстоятельств. Впрочем, не все в Античности соглашались с подобным образом Пиррона. Так, согласно Энесидему, «воздержание от суждений было для Пиррона правилом только в философии, в частных же случаях он вовсе не был неосмотрителен» [Там же. С. 352]. Как бы то ни было, для нашего исследования важно отметить следующее. Независимо от того, насколько Пиррон был последователен в проявлении безразличия и невозмутимости в жизни, стремление к свободе от внешних обстоятельств проходит красной нитью через все его учение.

Достаточно отчетливо стремление к независимости от внешних обстоятельств прослеживается в философии Эпикура. В своих высказываниях основатель Сада неоднократно подчеркивает, что высшее благо, которое, по его мнению, заключается в душевном спокойствии и телесном здоровье, «легко исполнимо и достижимо» [Лукреций, 1947. С. 597]. Все зло, которое есть в жизни, согласно Эпикуру, проистекает из человеческих страхов, страстей и вздорных желаний. Но все это не является необходимым бременем, от которого невозможно освободиться. Эпикур говорил: «Необходимость есть бедствие, но нет никакой необходимости жить с необходимостью» [Там же. С. 613]. Эпикур убежден, что человек способен своими силами обрести свободу и счастье. Главное – это следовать голосу природы, которая сделала «необходимое легкодобываемым, а труднодобываемое – ненужным» [Там же. С. 645]. Согласно философу, блаженная жизнь достигается путем изучения природы и преодоления страхов, а также

отказа от пустых желаний. Общий ход рассуждений Эпикура сводится к тому, что счастливая жизнь является делом рук самого человека и не зависит от случая или судьбы.

Однако в философии Эпикура была и противоположная тенденция – зависимость от внешних обстоятельств. Связана она была с таким важным для философа понятием, как дружба. Сохранилось несколько высказываний Эпикура, в которых он превозносит дружбу. Одно из них звучит следующим образом: «Из всего того, что мудрость доставляет себе для счастья всей жизни, самое важное есть обладание дружбой» [Там же. С. 607]. Для Эпикура дружба играет исключительно важную роль по той причине, что благодаря ей человек достигает наибольшей безопасности, обретает поддержку в жизни, а также общение, которое доставляет радость и удовольствие. Весьма показательными являются слова Эпикура о том, что мучения друга причиняют мудрецу не меньше страданий, чем его собственные мучения, а также о том, что предательство друга способно перевернуть всю его жизнь (см.: [Там же. С. 621]). О сильной зависимости мудреца от дружбы у Эпикура сообщает Сенека. Как он передает, «Эпикур в одном из писем порицал тех, кто утверждает, будто мудрецу никто, кроме него самого, не нужен и потому ничьей дружбы не требуется» [Сенека, 1986. С. 45]. На основании всего вышесказанного мы делаем вывод о том, что Эпикур в целом стремился к независимости от внешних обстоятельств. Но это стремление было достаточно умеренным и ограниченным, поскольку Эпикур признавал зависимость счастья от одного существенного внешнего обстоятельства – дружбы.

Самая ясная и однозначная картина в вопросе о стремлении к независимости от внешних обстоятельств предстает в философском учении ранних стоиков. В основе стоической этики лежало положение о том, что для счастья достаточно одной добродетели. Основатель Стои Зенон Китийский и его ученики строго придерживались представления о том, что единственным благом является добродетель, а единственным злом – порок. И то и другое коренится в душе человека. Все остальное не имеет никакого отношения к благу и злу и соответственно к счастью и несчастью. Таким образом, «жизнь и смерть, слава и безвестность, страдание и наслаждение, богатство и бедность, болезнь и здоровье и все тому подобное» [Фрагменты ранних стоиков, 1998. Фр. 190] попало у стоиков в сферу безразличного. В самом безразличном Зенон выделял предпочитаемое, т. е. то, что обладает ценностью и согласно с природой (жизнь, здоровье, красота, политическая деятельность, дружба и т. п.), непредпочитаемое или избегае-

мое, т. е. то, что противно природе (смерть, болезнь, нищета и т. п.), и безразличное в полном смысле этого слова. На наш взгляд, это разделение преследовало своей целью сохранение некоторых жизненных ориентиров, которые хоть и не имели никакого отношения к счастью, тем не менее, давали стоику определенную почву под ногами. Главное же в этике стоиков заключалось в том, что конечная цель жизни, счастье и благо были связаны только с одним – добродетелью. Тем самым стремление к независимости от внешних обстоятельств обрело в стоиках своих самых верных и последовательных приверженцев в период раннего эллинизма.

Итак, как мы видим, в период раннего эллинизма далеко не все философы стремились к независимости от внешних обстоятельств. В этой связи нам остается рассмотреть вопрос о том, чем объясняется данная ситуация. Мы полагаем, что ответ на этот вопрос связан с той политической обстановкой, которая сложилась в Греции в данный период. Дело в том, что это время в греческой истории ознаменовалось сосуществованием двух политических систем. Речь идет об эллинистических монархиях и традиционной полисной системе. Империя Александра Македонского и эллинистические царства, образовавшиеся на ее обломках, явили собой совершенно новый тип государственного устройства, главной чертой которого, на наш взгляд, была неограниченная власть монарха. Появление этих государств привело к ослаблению полисных ценностей, важнейшей из которых было участие граждан в общественно-политической жизни полиса. Мы полагаем, что следствием этого как раз и стало усиление в греческой философии такой черты, как стремление к независимости от внешних обстоятельств. В то же время, греческие полисы не растворились в эллинистических монархиях. Несмотря на военно-политическое ослабление, многие полисы, если не полностью, то частично, сохранили свою автономию. А вместе с тем сохранили определенное влияние и полисные ценности. Этим, на наш взгляд, объясняется тот факт, что в отдельных философских учениях и в жизни отдельных философов проявилась зависимость от внешних обстоятельств.

Подведем итоги. В ходе проведенного исследования мы установили, что стремление к независимости от внешних обстоятельств не является общей чертой для греческой философии в период раннего эллинизма. Данная черта была ярко выражена у ранних стоиков, Пиррона, Стильпона, Гегесия и Феодора Безбожника. В философии древних академиков, киников и Эпикура эта черта сосуществовала с зависимостью от политики и дружбы. У перипатетиков, Менедема

из Эретрии и Анникерида стремление к свободе от внешних условий и вовсе не просматривается. Также было установлено, что усиление стремления к независимости от внешних обстоятельств в греческой философии в период раннего эллинизма было связано с образованием военно-бюрократических монархий. Что касается зависимости от внешних условий в раннеэллинистической философии, то оно было связано с сохранением полисной системы.

Список литературы / References

- Адо П.** Что такое античная философия? М.: Изд-во гуманит. лит., 1999.
- Ado P.** Chto takoe antichnaya filosofiya? [Qu'est-ce que la philosophie antique]. Moscow, Izdatelstvo gumanitarnoi literatury, 1999. (In Russ.)
- Антология кинизма. Антисфен. Диоген. Кратет. Керкид. Дион.** М.: Наука, 1984.
- Antologiya kinizma. Antisfen. Diogen. Kratet. Kerkid. Dion** [Anthology of Cynicism]. Moscow, Nauka, 1984. (In Russ.)
- Бенгтсон Г.** Правители эпохи эллинизма. М.: Наука, 1982.
- Bengtson H.** Praviteli epokhi ellinizma [Herrschergestalten des Hellenismus]. Moscow, Nauka, 1982. (In Russ.)
- Диллон Дж.** Наследники Платона: Исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н. э.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
- Dillon J.** Nasledniki Platona: Issledovanie Drevnei Akademii (347–274 gg. do n. e.) [The Heirs of Plato. A Study of the Old Academy (347–274 B. C.)]. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 2005. (In Russ.)
- Диоген Лаэртский.** О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986.
- Diogenes Laertius.** O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov [Lives of Eminent Philosophers]. Moscow, Mysl' Publ., 1986. (In Russ.)
- Климент Александрийский.** Строматы. Т. 1 (Кн. 1–3). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003.
- Kliment Aleksandriiskii.** Stromaty [Stromata]: Books 1–3. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2003. Book 1. (In Russ.)
- Лосев А. Ф.** История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: АСТ, 2000.
- Losev A. F.** Istoriya antichnoy estetiki. Rannii ellinizm [History of Ancient Aesthetics. Early Hellenism]. Moscow, AST Publ., 2000. (In Russ.)

- Лукреций.** О природе вещей. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 2: Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла.
Titus Lucretius Carus. O prirode veshchei [De Rerum Natura]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1947, vol. 2. (In Russ.)
- Нахов И. М.** Философия киников. М.: Наука, 1982.
Nakhov I. M. Filosofiya kinikov [Philosophy of Cynics]. Moscow, Nauka, 1982. (In Russ.)
- Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1.
Pis'ma Marka Tulliia Tsitserona k Attiku, blizkim, bratu Kvintu, M. Brutu [Letters of Mark Tullius Cicero to Atticus, relatives, brother Quint, M. Brutus]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1949, vol. 1. (In Russ.)
- Сенека Л. А.** Нравственные письма к Луцилию; Трагедии. М.: Худож. лит., 1986.
Seneca. Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu; Tragedii [Moral Letters to Lucilius; Tragedies]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1986. (In Russ.)
- Фрагменты ранних стоиков / Пер. и коммент. А. А. Столярова. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1998. Т. 1: Зенон и его ученики.
Fragmenty rannich stoikov [Excerpts of Early Stoics]. Moscow, "Greko-Latinskii Kabinet" Yu. A. Shichalina, 1998, vol. 1: Zeno and His Apprentices. (In Russ.)
- Целлер Э.** Очерк истории греческой философии. СПб.: Алетейя, 1996.
Zeller E. Ocherk istorii grecheskoï filosofii [Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1996. (In Russ.)
- Цицерон М. Т.** Диалоги. О государстве. О законах. М.: Наука, 1966.
Cicero. Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh [Dialogues. On the Commonwealth. On the Laws]. Moscow, Nauka, 1966. (In Russ.)
- Цицерон М. Т.** Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1975.
Cicero. Tuskulanskie besedy [Tusculan Disputations]. Izbrannyye sochineniya [Selected Essays]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1975. (In Russ.)
- Brown E.** False Idles: The Politics of the "Quiet Life". In: A Companion to Greek and Roman Political Thought. Ed. by K. Balot Ryaon. Wiley-Blackwell, 2009, p. 485–500.
- Navia L. E.** Classical cynicism: a critical study. Westport, Connecticut, Greenwood Press, 1996.

Zeller E. Aristotle and the earlier Peripatetics: In 2 vols. London, Longmans, Green, and Co., 1897, vol. 2.

Материал поступил в редколлегию
Received
04.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Бровкин Владимир Викторович, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vladimir V. Brovkin, junior researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

drakar@ngs.ru